

ристики становятся условием профессионального успеха.

Проблема телесности личности раскрывалась нами во взаимосвязи моторных и смысловых компонентов деятельности. В отличие от подходов, рассматривающих культурно обусловленные «техники тела», в данной работе ставится вопрос о психологических следствиях и механизмах, стоящих за той или иной «техникой тела». Возможно, каждая «телесная практика», в особенности такая, как танец, формирует особый тип телесности, задавая определенный образ тела и формируя отношение к нему. Проблема приобретает особую значимость, учитывая, что личность строит свою идентичность и обретает целостность на основе осознания и принятия своего телесного образа.

1. Айламазьян А.М. О судьбе «музыкального движения» // Балет. 1997. Июль–август. С. 20–23.
2. Айламазьян А.М., Князева Т.С. Связь моторики человека с его личностными характеристиками // Вопр. психол. 2008. № 2. С. 62–73.
3. Арина Г.А. Психосоматический симптом как феномен культуры // Телесность человека: Междисциплинарные исследования / Под ред. В.В. Николаевой, П.Д. Тищенко. М.: Изд-во Филос. общества, 1991. С. 45–54.
4. Асмолов А.Г. Психология личности: Учебник. М.: Изд-во МГУ, 1990.
5. Бюген М.М. Обучение двигательным действиям. М.: ФиС, 1985.
6. Ваганова А.Я. Основы классического танца. Л.; М.: Искусство, 1948.
7. Васильева Т.И. Тем, кто хочет учиться балету: Правила приема детей в балетные школы и ме-

тодика обучения классическому танцу: Учеб.-метод. пособ. М.: ГИТИС, 1994.

8. Вольнский А.Л. Книга ликований: Азбука классического танца. М.: Артист. Режиссер. Театр, 1992.
9. Ильина Г.А., Руднева С.Д. К вопросу о механизме музыкального переживания // Вопр. психол. 1971. № 5. С. 66–74.
10. Козлов В.В., Гиризон А.Е., Веремеенко Н.И. Интегративная танцевально-двигательная терапия. СПб.: Речь, 2006.
11. Мосс М. Техники тела // Человек. 1993. № 2. С. 64–79.
12. Осипцева Н.В. Танец в аспекте антропологической антологии: Автореф. канд. дис. Тюмень, 2006.
13. Рубаненко А.М. Социокультурный потенциал спонтанного танца: Автореф. канд. дис. Новгород, 2002.
14. Руднева С.Д., Пасынкова А.В. Опыт работы по развитию эстетической активности методом музыкального движения // Психол. журн. 1982. Т. 3. № 3. С. 84–92.
15. Руднева С., Фиш Э. Музыкальное движение. СПб.: Изд. центр «Гуманитарная Академия», 2000.
16. Теплов Б.М. Проблемы индивидуальных различий. М.: АПН РСФСР, 1961.
17. Тхостов А.Ш. Психология телесности. М.: Смысл, 2002.
18. Фуко М. Герменевтика субъекта // Социологос. Социология. Антропология. Метафизика. М.: Прогресс, 1991. Вып. 1.
19. Csikszentmihalyi M. Flow: The psychology of optimal experience. N.Y.: Harper and Row, 1990.
20. Foster S. L. Dancing bodies // Desmond J.C. (ed.). Meaning in motion: New cultural studies of dance. Durham; L.: Duke Univ. Press, 1997. P. 235–257.

Поступила в редакцию 2.IX 2009 г.

НОРМЫ СПРАВЕДЛИВОСТИ: РОЛЬ СОЦИАЛЬНОГО КОНТЕКСТА

О.А. ГУЛЕВИЧ

Изучалось, какие нормы справедливости используют люди при оценке происходящего, а также насколько различаются предпочтения этих норм в зависимости от формы взаимодействия. Испытуемые читали описания взаимодействий, различающихся сферой общения (между знакомыми людьми, однокурсниками/преподавателями, в ходе принятия нового закона) и статусом участников (равный, разный), а потом оценивали их справедливость. Результаты исследования показали, что, хотя существуют универсальные нормы справедливости, вероятность использования тех или иных норм определяется особенностями взаимодействия.

Ключевые слова: дистрибутивная, процедурная и межличностная справедливость, сфера взаимодействия, социальный статус.

Справедливость – важный критерий, в соответствии с которым человек оценивает окружающих людей и события. В соответствии с этим критерием определяется личное и деловое общение людей, регулируется взаимодействие между ними. Именно поэтому большое значение приобретает вопрос об универсальных нормах справедливости, которые люди используют при оценке разных форм взаимодействия. Цель данной статьи заключается в определении таких норм.

НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Эмпирическое изучение обыденных представлений о справедливости началось в 1960-х гг. У его истоков стояли Л. Колберг – автор модели морального развития и Дж. Адамс, развивающий идею беспристрастности как основной нормы справедливости. Спустя два десятилетия оформились три основных направления изучения данной проблемы.

Первое направление – изучение общих представлений о справедливости. Его сто-

ронники рассматривают справедливость как целостный феномен. В рамках этого направления изучается роль справедливости в обыденном сознании, расхожее определение справедливости (ассоциативные связи понятия «справедливость» ([1], [2], [5]), представления о справедливых и несправедливых событиях и людях ([1], [2], [12], [17], [28]), стратегии реагирования на несправедливые события и индивидуальные различия в представлениях о справедливости (вера в справедливый мир, чувствительность к несправедливости). Стронники этого направления зачастую не ставят определенных гипотез об обыденных представлениях. Используя открытые вопросы, они отталкиваются от тех ответов, которые дают респонденты. Такой подход к исследованиям особенно характерен для тех, кто изучает представления о справедливых/несправедливых людях и событиях. Достоинством подобных исследований является тот факт, что психологи не навязывают респондентам определенных представлений. Кроме того, такие исследования дают возможность сформулировать обыденное определение справедливости в форме «справедливость – это...». Однако такой подход не дает возможности изучить связи между

Работа выполнена в рамках гранта Президента РФ, проект МК-8475.2006.6.

разными компонентами обыденных представлений о справедливости.

Сторонники второго и третьего направлений действуют противоположным образом. Они выдвигают собственные предположения о том, на основании каких критериев люди оценивают события как справедливые и несправедливые, а потом проверяют их правильность в ходе экспериментальных или корреляционных исследований. Такие критерии называются нормами справедливости. В соответствии с этими подходами справедливо то, что соответствует нормам. Такое понимание дает возможность не только выявить критерии, лежащие в основе обыденного определения справедливости и несправедливости, но и проанализировать взаимосвязь между разными компонентами представлений об этом феномене.

Второе направление исследований — изучение дистрибутивной справедливости, а именно справедливости распределения вознаграждения/наказания между участниками какого-либо взаимодействия. Изначально под дистрибутивной справедливостью понималась справедливость вознаграждения. Справедливость наказания получила название карательной. Однако термин «карательная справедливость» применяется относительно редко, поэтому мы будем использовать термин «дистрибутивная справедливость» по отношению как к вознаграждению, так и к наказанию.

Изучение дистрибутивной справедливости идет по пути выделения норм, в соответствии с которыми происходит оценка результата взаимодействия как справедливого или несправедливого. Родоначальником изучения дистрибутивной справедливости является Дж. Адамс [6], который считал, что основной нормой справедливости является беспристрастность — распределение вознаграждения в соответствии с достигнутым результатом. Точка зрения Дж. Адамса получила название «эквивалентной справедливости». В первых

исследованиях его сторонники просили респондентов распределить вознаграждение между участниками взаимодействия, внесших определенный вклад в достижение общего результата. Основным недостатком этих исследований заключался в том, что распределение вознаграждения могло определяться другими целями, помимо восстановления справедливости. Поэтому в современных исследованиях респондентов просят не просто распределить вознаграждение, а сделать это справедливо или оценить справедливость уже назначенного вознаграждения/наказания.

Впоследствии были выделены и другие нормы дистрибутивной справедливости: равенство [29], распределение в соответствии со способностями и усилиями ([18], [22]), потребностями ([27], [36]), позитивностью личности [30].

Однако со временем стало ясно, что оценка справедливости происходящего не исчерпывается восприятием справедливости результата, а определяется также оценкой справедливости процедуры. В результате возникло третье направление исследований — изучение процедурной справедливости, которая, в отличие от дистрибутивной, касается не исхода, а процедуры взаимодействия. Родоначальником изучения процедурной справедливости является Г. Левенталь [21], который выделил шесть соответствующих ей норм: однообразие, нейтрализацию предубеждений, точность и полноту информации, корректность, представительность, этичность. Впоследствии другими исследователями были добавлены еще две нормы: наличие контроля за процессом принятия решения и его результатом.

В последние годы, наряду с собственно процедурной справедливостью, были выделены межличностная и информационная справедливость. Такое разделение заложено, например, в модели Дж. Колкита [13]. В данном случае под процедурной справедливостью понимается справедли-

вость той процедуры, которая используется при вынесении решения. Межличностная справедливость связана с оценкой того, насколько вежливо и уважительно обошлись с участником взаимодействия. Информационная справедливость связана с оценкой того, насколько честно обошлись с участниками взаимодействия, насколько хорошо их проинформировали о принятом решении и учли их состояние. Вместе с тем большинство авторов обозначают термином «процедурная справедливость» все три аспекта процесса принятия решения.

Итак, перечислим все виды справедливости и соответствующие им нормы.

1. Дистрибутивная справедливость:

1) *беспристрастность*: справедливо, когда вознаграждение/наказание человека зависит от того, какую работу он сделал/какой проступок совершил;

2) *равенство*: справедливо, когда вознаграждение/наказание делится поровну между всеми участниками взаимодействия;

3) *распределение в соответствии со способностями*: справедливо, когда более способный человек, совершивший социально желательный поступок, получает большее вознаграждение, а социально нежелательный — большее наказание, чем менее способный;

4) *распределение в соответствии с усилиями*: справедливо, когда человек, приложивший большие усилия при совершении социально желательного поступка и меньшие — социально нежелательного, получает большее вознаграждение/меньше серьезное наказание, чем тот, кто сделал наоборот;

5) *распределение в соответствии с потребностями*: справедливо, когда нуждающийся человек получает большее вознаграждение/наказание, чем тот, кто не нуждается в них;

6) *распределение в соответствии с позитивностью личности*: справедливо, когда

человек, обладающий социально желательными особенностями, получает большее вознаграждение и меньшее наказание, чем «плохой» человек.

2. Процедурная справедливость:

1) *контроль за результатом*: процедура справедлива, если у участников есть возможность повлиять на результат;

2) *контроль за процессом (право голоса)*: процедура справедлива, если у участников есть возможность высказать свою точку зрения;

3) *однообразие*: процедура справедлива, если она может быть одинаково использована в разных ситуациях для разных людей;

4) *нейтрализация предубеждений*: процедура справедлива, когда принятие решения не зависит от имеющихся у «третьей стороны» (арбитра, судьи) предубеждений;

5) *точность и полнота передачи информации*: процедура справедлива, если дает возможность собрать точную и полную информацию;

6) *корректность (возможность апелляции)*: процедура справедлива, если содержит возможности коррекции неправильных решений;

7) *представительность*: процедура справедлива, если учитывает ценности участников и групп, к которым они принадлежат;

8) *этичность*: процедура справедлива, если соответствует этическим стандартам, принятым в обществе.

3. Межличностная справедливость:

1) *уважение*: взаимодействие справедливо, если с его участниками общаются с уважением;

2) *вежливость*: взаимодействие справедливо, если с его участниками общаются вежливо.

4. Информационная справедливость:

1) *честность*: взаимодействие справедливо, если по отношению к участникам взаимодействия действуют честно;

2) *разъяснение оснований решения*: взаимодействие справедливо, если участникам

объяснили, почему было принято то или иное решение;

3) *информирование о процедуре*: процедура справедлива, если участникам заранее разъяснили ее особенности;

4) *учет индивидуальных потребностей*: процедура справедлива, если в ее рамках учитываются индивидуальные потребности и особенности участников.

Тот факт, что люди используют перечисленные выше нормы при оценке справедливости процесса принятия решения, был подтвержден во многих эмпирических исследованиях [7], [9]–[11], [13]–[17], [23], [25], [32].

Несмотря на различия между тремя направлениями изучения обыденных представлений о справедливости, существуют точки их соприкосновения.

Во-первых, сторонники всех направлений интересуются тем, как справедливость понимается обычными людьми. При этом они не стремятся сформулировать научное, независимое от обыденных представлений, понимание справедливости.

Во-вторых, в последние годы наблюдается тенденция к интеграции исследований дистрибутивной и процедурной справедливости. Сторонники этой интеграции возвращаются к идее целостности обыденного понимания справедливости. Они полагают, что на оценку справедливости происходящего оказывает влияние одновременное соблюдение норм дистрибутивной, процедурной, межличностной и информационной справедливости. Такая точка зрения заложена в упомянутой выше модели Дж. Колкита [13].

Однако при таком количестве норм возникают два вопроса. Первый касается относительной важности разных норм справедливости: что оказывает большее влияние на оценку справедливости происходящего — результат, процедура принятия решения, отношение к участникам или их информирование? Идея о разной степени важности норм справедливости косвенно

подтверждается результатами исследований, в которых было показано: 1) одни виды справедливости оказывают большее влияние на оценки и поведение людей, чем другие; например, процедурная справедливость в организации оказывает большее влияние на организационную идентификацию, оценки и поведение сотрудников, чем дистрибутивная ([20], [31], [34]), а межличностная — большее, чем процедурная и дистрибутивная [26], [37]; 2) разные виды справедливости связаны с разными аспектами функционирования человека [9].

Второй вопрос касается факторов, оказывающих влияние на предпочтение норм справедливости: от чего зависит выбор тех или иных норм?

ЦЕЛИ, ГИПОТЕЗЫ, МЕТОДЫ И ПРОЦЕДУРА ИССЛЕДОВАНИЯ

Перечисленные вопросы определили цели нашего исследования:

1. Анализ причин предпочтения норм справедливости.

2. Определение различий в предпочтении норм справедливости при оценке разных форм взаимодействия.

В исследовании были поставлены следующие гипотезы.

1. Оценивая справедливость взаимодействия, российские респонденты используют те же нормы дистрибутивной, процедурной, межличностной и информационной справедливости, которые были выделены в североамериканских и западноевропейских исследованиях.

В нашем предыдущем исследовании [4] было показано, что эти нормы сохраняют свое значение при оценке правовых решений. В данном исследовании использование этих норм анализируется на примере межличностных, учебных и политических событий.

2. При оценке разных форм взаимодействия люди используют разные нормы справедливости.

2а. Выбор норм справедливости различается в зависимости от сферы взаимодействия.

Имеются свидетельства, хотя и многочисленные, говорящие в пользу этого предположения. Некоторые из них касаются дистрибутивной справедливости, а некоторые процедурной.

Важная роль сферы взаимодействия при выборе норм дистрибутивной справедливости подтверждается следующими результатами:

- в семейном взаимодействии люди придают одинаковое значение нормам беспристрастности и распределения по потребностям, а в деловом — только беспристрастности. Норма равенства является наименее предпочитаемой как в деловых, так и в семейных отношениях [35];

- люди предпочитают использовать норму равенства в политической и социальной сфере, при распределении власти, прав, налогов, и норму беспристрастности — в экономической [19];

- в межличностных отношениях все большую значимость приобретают нормы равенства, распределения по потребностям и позитивности деятеля; в деловых — нормы распределения по усилиям; в учебных — нормы беспристрастности и распределения по усилиям; в политических — нормы беспристрастности, распределения по способностям и позитивности личности [3].

Сфера взаимодействия определяет также предпочтение норм процедурной справедливости [8]:

- нормы нейтрализации предубеждений, точности, однообразия и представительности важнее в формальных отношениях, чем в неформальных;

- нормы однообразия, точности и этичности важнее в кооперативных отношениях, чем в конкурентных;

- норма однообразия важнее в деловых отношениях, чем в межличностных, особенно при наличии конкуренции.

2б. Выбор норм справедливости различается в зависимости от статуса участников.

В пользу этого предположения говорят результаты исследования, в котором было показано, что в деловых отношениях процедурный и дистрибутивный виды справедливости имеют большее значение, когда у участников разные статусы, а в межличностных отношениях статус не играет роли [8].

Однако перечисленные исследования обладают существенным ограничением: в них сравниваются предпочтения лишь некоторых норм справедливости. В данном исследовании это ограничение будет преодолено.

Выборка. В исследовании приняли участие студенты дневного и регионального отделений Российского государственного гуманитарного университета, а также дневного отделения Высшей школы экономики. Таким образом, анкету заполнили 220 человек — 33 мужчины и 187 женщин. На вопрос каждого варианта анкеты ответили 22 респондента. Возраст респондентов — от 16 до 21 года ($M = 18$ лет). Специализация — психологи, социологи и антропологи.

Основным методом исследования являлось анкетирование. Основанием для выбора этого метода стала традиция эмпирических исследований, посвященных представлениям о справедливости, а также тот факт, что именно анкеты используются для изучения разного рода представлений. Наиболее распространенным методическим приемом для изучения представлений о справедливости является оценка справедливости взаимодействия, в котором соблюдаются или нарушаются определенные нормы. Содержание анкеты, создаваемой с его использованием, определяется целями конкретного исследования: в некоторых случаях речь идет о нарушении или соблюдении только одной нормы, в других — нескольких. Именно этот методический прием и был

использован при создании анкеты, содержание которой определяется целями данного исследования.

Анкета начиналась с мотивационной части. Основной вопрос был сформулирован в виде описания ситуации принятия решения, за которой следовали условия его принятия. Например:

«Представьте, что юноша попросил друга помочь ему. Друг принял определенное решение. Оцените, насколько справедливым или несправедливым будет это решение при соблюдении каждого из описанных ниже условий. Используйте для оценки шкалу от 1 (совершенно несправедливо) до 10 (полностью справедливо) баллов. Поставьте напротив каждого утверждения оценку, соответствующую Вашей точке зрения.

Юноша мог оказать влияние на решение друга (*контроль за результатом, соблюдение нормы*).

Друг не выслушал объяснения юноши (*контроль за процессом, нарушение нормы*).

Друг не учел результат, которого юноша достиг самостоятельно (*беспристрастность, нарушение нормы*).

Друг принимал решение на основе точной и полной информации о юноше (*точность и полнота информации, соблюдение нормы*).

Чем большие усилия юноша приложил для достижения поставленной цели, тем благоприятнее было решение друга (*распределение по усилиям, соблюдение нормы*).

Принимая решение по отношению к юноше, друг руководствовался иными критериями, чем по отношению к другим людям (*однообразие, нарушение нормы*).

Решение друга не зависело от его интересов и предубеждений относительно юноши (*нейтрализация предубеждений, соблюдение нормы*).

Друг не учел потребности юноши (*распределение по потребностям, нарушение нормы*).

У юноши не было возможности оспорить решение друга (*возможность апелляции, нарушение нормы*).

Чем более способным был юноша, тем благоприятнее было решение друга (*распределение по способностям, соблюдение нормы*).

Друг был вежлив с юношей, проявил к нему уважение (*уважение, соблюдение нормы*).

Объясняя принятое решение, друг не был честен и откровенен с юношей (*честность, нарушение нормы*).

Друг не учел доброту и порядочность юноши (*распределение в зависимости от личностных особенностей, нарушение нормы*).

Друг заранее объяснил юноше, при каких условиях он поможет ему (*разъяснение оснований решения, соблюдение нормы*).

Таким образом, в вопросе описывалось 14 условий принятия решения, соответствующих шести нормам процедурной, пяти нормам дистрибутивной, одной норме межличностной и двум — информационной справедливости. Устно подчеркивалось: неважно, какое именно решение принял друг, — важны условия, которые соблюдались при его принятии. Пояснения, выделенные курсивом, в тексте анкеты отсутствовали. Их наличие в описании позволяет объяснить принцип составления анкеты.

Было сформулировано 10 вариантов этого вопроса. Они различались по следующим критериям.

- Сфера взаимодействия — межличностная (общение со знакомыми людьми), учебная (взаимодействие с однокурсниками и преподавателем), политическая (принятие закона).

- Статус участников взаимодействия. Были созданы два описания, связанных с межличностными отношениями, — помощь молодого человека своему другу (равный статус) и помощь родителей ребенку (разный статус); два описания, связанных с учебными отношениями, — помощь на контрольной однокурснику (равный статус) и сдача зачета преподавателю (разный статус); одно описание, связанное с политической сферой, — принятие нового закона (разный статус). В последнем случае не удалось подобрать ситуацию, в которой участники имели бы равный статус с людьми, принимающими политические решения. Эти ситуации были заимствованы из свободных описаний справедливых и несправедливых событий, полученных в ходе нашего предыдущего исследования [2].

- Соблюдение/нарушение норм справедливости. Каждое из пяти описаний встречалось в двух вариантах анкеты. В каждом варианте семь норм были нарушены, а семь других соблюдались; причем те нормы, которые соблюдались в одном варианте анкеты, были нарушены в другом.

Это было сделано для того, чтобы привлечь внимание респондентов, избежать одинаковой оценки ими соблюдения или нарушения всех норм.

Процедура. Анкета заполнялась в групповой ситуации, во время лекционных занятий. Участникам объяснялась цель исследования. В качестве мотивации респондентам давалось обещание рассказать о том, какую роль представления о справедливости играют в жизни людей. Оно выполнялось после того, как последний участник сдавал заполненную анкету. В ходе проведения исследования разные варианты анкеты чередовались: первый респондент получал первый вариант анкеты, второй — второй и т.д., после этого цикл повторялся.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Анализ результатов проводился с помощью непараметрического критерия Манна–Уитни (U), поскольку они не соответствовали нормальному распределению.

В соответствии с гипотезой 1 предполагалось, что, оценивая справедливость взаимодействия, российские респонденты используют те же нормы справедливости, которые были выделены в североамериканских и западноевропейских исследованиях. При проверке этой гипотезы с помощью непараметрического критерия U Манна–Уитни сравнивались оценки описаний, в которых нормы справедливости соблюдались и нарушались. Наличие статистически значимых различий в этих оценках говорит о том, что нормы действительно используются респондентами.

Результаты анализа представлены в табл. Они демонстрируют, что все выделенные нормы дистрибутивной, процедурной, межличностной и информационной справедливости используются российскими респондентами при оценке взаимодействия (см. колонку «Общая оценка»). Это означает, что соблюдение данных норм

оценивается как более справедливое, чем их несоблюдение. Реже всего используется норма распределения по способностям.

В соответствии с гипотезой 2а предполагалось, что выбор норм справедливости различается в зависимости от сферы взаимодействия. Для проверки этой гипотезы сравнивался уровень значимости различий в оценках справедливости соблюдения и нарушения норм в разных сферах (табл., колонки «Межличностная сфера», «Учебная сфера», «Политическая сфера»). Результаты исследования сводятся к следующему:

- Предпочтения норм межличностной и информационной справедливости не изменяются в зависимости от сферы взаимодействия: вежливость/уважение, честность и разъяснение оснований решения являются универсальными нормами, используемыми при оценке любого взаимодействия ($p < 0,001$).

- В меньшей степени это касается норм процедурной справедливости: лишь три нормы (контроль за процессом, полнота и точность информации, нейтрализация предубеждений) имеют универсальный характер. Вместе с тем вероятность использования остальных трех норм справедливости различается в зависимости от сферы взаимодействия. Норма однообразия более активно используется при оценке справедливости межличностного взаимодействия, чем учебного и политического. Интересно, что норма однообразия в сфере межличностного взаимодействия принимает форму, обратную традиционной: применение к близкому человеку такой же процедуры принятия решений, как и к незначимым людям, считается несправедливым. Возможность апелляции используется при оценке справедливости учебного взаимодействия реже, чем межличностного и политического. Наименее универсальной является норма контроля за результатом: она чаще всего используется при оценке политического взаимодействия, реже — межличностного и вообще не применяется для учебного.

• Еще менее универсальными являются нормы дистрибутивной справедливости. Так, соблюдение нормы беспристрастности, распределения по усилиям и позитивности личности используются при оценке справедливости межличностного и учебного, но не политического взаимодействия. В то же время норма распределения по потребностям не используется при оценке учебного взаимодействия. Таким образом, единственной универсальной нормой дистрибутивной справедливости оказалось распределение по способно-

стям. Однако в политических отношениях норма распределения по способностям принимает форму, обратную традиционной: более справедливым считается получение большего пособия менее способным человеком.

В соответствии с гипотезой 26 предполагалось, что выбор норм справедливости различается в зависимости от статуса участников взаимодействия. Анализ результатов проводился по той же схеме, что и в предыдущем случае. Результаты сводятся к следующему.

Таблица

Различия в оценках справедливости нарушения и соблюдения 14 норм в зависимости от сферы взаимодействия и статуса участников

Виды справедливости	Норма	Значения критерия Манна–Уитни и уровня значимости различий (U/p)					
		Общая оценка	Межличностная сфера	Учебная сфера	Политическая сфера	Равный статус	Неравный статус
Дистрибутивная	1. Беспристрастность	2474,5/ <0,001	273,5/ <0,001	231,5/ <0,001	224,5/ >0,05	479/ <0,001	88,5/ <0,001
	2. Распределение по усилиям	2143/ <0,001	229/ <0,001	302/ <0,001	169/ >0,05	425,5/ <0,001	125,5/ <0,001
	3. Распределение по способностям	4416,5/ <0,05	535,5/ <0,001	425/ <0,001	83/ <0,001	650,5/ <0,05	320/ <0,001
	4. Распределение по потребностям	3355,5/ <0,001	342/ <0,001	821/ >0,05	98,5/ <0,001	311/ <0,001	867,5/ >0,05
	5. Распределение по позитивности	3027/ <0,001	340,5/ <0,001	388/ <0,001	235/ >0,05	225/ <0,001	547/ <0,001
Межличностная	1. Уважение/вежливость	895/ <0,001	126,5/ <0,001	105/ <0,001	58,5/ <0,001	197/ <0,001	35,5/ <0,001
Информационная	1. Честность	466,5/ <0,001	38,5/ <0,001	102/ <0,001	20/ <0,001	94,5/ <0,001	39/ <0,001
	2. Разъяснение оснований решения	1579/ <0,001	242,5/ <0,001	247/ <0,001	25/ <0,001	488,5/ <0,001	114/ <0,001
Процедурная	1. Контроль за процессом	766/ <0,001	61,5/ <0,001	210,5/ <0,001	6/ <0,001	130,5/ <0,001	126/ <0,001
	2. Полнота и точность информации	1733,5/ <0,001	160,5/ <0,001	475,5/ <0,001	35,5/ <0,001	343,5/ <0,001	282,5/ <0,001
	3. Нейтрализация предубеждений	2286,5/ <0,001	350/ <0,001	439/ <0,001	62/ <0,001	512,5/ <0,001	306,5/ <0,001
	4. Возможность апелляции	2431/ <0,001	117/ <0,001	727/ <0,05	53,5/ <0,001	620,5/ <0,01	228,5/ <0,001
	5. Однообразие	3921/ <0,001	567,5/ <0,01	274,5/ <0,001	12/ <0,001	838/ >0,05	703,5/ <0,05
	6. Контроль за результатом	4162,5/ <0,001	581,5/ <0,01	863/ >0,05	23/ <0,001	613,5/ <0,01	873/ >0,05

Примечание. Курсивом отмечены различия, не достигшие уровня значимости.

• Предпочтение норм межличностной и информационной справедливости не изменяется в зависимости от статуса участников: вежливость/уважение, честность и разъяснение оснований решения являются универсальными нормами, используемыми при оценке любого взаимодействия ($p < 0,001$).

• В меньшей степени это касается норм дистрибутивной справедливости. Универсальный характер имеют лишь три из пяти выделенных норм — беспристрастность, распределение по усилиям и по позитивности личности: вероятность их использования не различается в зависимости от статуса участников. При этом норма распределения по потребностям чаще используется при оценке людей с равным статусом; во взаимодействии участников с разным статусом она теряет свое значение. В то же время норма распределения по способностям играет большую роль при взаимодействии участников с разным статусом, хотя используется и при оценке равностатусного взаимодействия.

• То же самое касается и норм процедурной справедливости. Лишь три нормы (контроль за процессом, полнота и точность информации, нейтрализация предубеждений) имеют универсальный характер. В то же время норма однообразия не используется при оценке справедливости равностатусного взаимодействия, а контроля за результатом — разностатусного. Кроме того, возможность апелляции реже используется при оценке равностатусных отношений по сравнению с разностатусными.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Проведенное исследование позволило сделать несколько заключений.

1. *Существуют нормы справедливости, которые имеют универсальный характер.* Это означает, что они используются при оценке разных форм взаимодействия, вне зависимости от его сферы и статус-

са участников. К ним относятся прежде всего нормы межличностной (уважение/вежливость) и информационной (разъяснение оснований решения, честность) справедливости. Кроме того, универсальный характер имеют три нормы процедурной справедливости: контроль за процессом (право голоса), полнота и точность информации, нейтрализация предубеждений. Соблюдение всех этих норм гарантирует честность и нейтральность в отношении к человеку, уважение к нему и его правам. Именно эти нормы и составляют основу обыденного понимания справедливости.

В то же время вероятность использования всех норм дистрибутивной справедливости и трех норм процедурной (контроля за результатом, возможности апелляции и однообразия) различается в зависимости от формы взаимодействия. Интересно, что эти нормы связаны либо с результатом взаимодействия, либо с возможностью повлиять на него.

Для интерпретации этих результатов уместно привлечь две основные модели, объясняющие, почему люди стремятся к соблюдению процедурной справедливости [24], — модель личного интереса и модель групповых ценностей.

Согласно модели личного интереса, вступая во взаимодействие, люди пытаются получить максимальную выгоду и уменьшить возможные потери. Поскольку люди не всегда могут получить позитивный результат немедленно, они обращают внимание на процедуру принятия решения, в ходе которой распределяются ресурсы. Справедливая процедура гарантирует им получение позитивного результата в будущем. Именно поэтому оценка справедливости процедуры зависит от справедливости результата, а оценка справедливости результата — от процедуры. С этой точки зрения, наиболее важным является соблюдение норм, которые дают человеку возможность оказать влияние на результат.

В соответствии с моделью групповых ценностей членство в социальной группе — важный аспект существования человека. Человек старается сохранить свою группу, добиться высокого статуса в ней. Процедурная справедливость позволяет предотвратить конфликты внутри группы, сохранить ее целостность. Поэтому члены группы следят за ее соблюдением. Соблюдая нормы процедурной справедливости, члены группы передают друг другу два сообщения: «я уважаю тебя» и «ты можешь гордиться своей группой». Большую роль в данном случае играет соблюдение норм контроля за процессом (права голоса), нейтрализации предубеждений, вежливости, честности, информированности (разъяснение оснований решения и внимание к состоянию человека, которого оно касается) [33].

Результаты данного исследования подтвердили модель групповых ценностей, поскольку нормы, определяющие уважение к участникам взаимодействия и их правам, оказались важнее норм, регламентирующих исход взаимодействия и возможность оказать на него влияние.

2. *Особенностями взаимодействия, определяющими использование норм справедливости, являются сфера взаимодействия и статус участников.*

Сфера взаимодействия определяет использование как дистрибутивной, так и процедурной справедливости. В частности, в межличностных отношениях люди придают большое значение всем нормам дистрибутивной справедливости и такой норме процедурной справедливости, как возможность апелляции, и меньшее — двум нормам процедурной справедливости (однообразию и контролю за результатом). При этом норма однообразия используется в «перевернутом» виде (применение к близкому человеку такой же процедуры принятия решений, как и к другим людям, считается несправедливым). При оценке учебных отношений люди игнорируют две нормы — контроль за результатом и распределение по потреб-

ностям и придают небольшое значение возможности апелляции, хотя и следят за соблюдением остальных норм. И наконец, при оценке политических отношений люди игнорируют три нормы дистрибутивной справедливости (беспристрастность, распределение по усилиям и позитивности), а также используют «перевернутый» вариант нормы распределения по способностям.

Таким образом, результаты данного исследования частично совпали с результатами предыдущих исследований, говорящих о более частом использовании норм справедливости, «распределение по потребностям» в межличностной сфере (по сравнению с деловым и учебным взаимодействиями), «распределение по усилиям» — в межличностном и учебном/деловом (по сравнению с социальным), «однообразии» — в деловом (по сравнению с межличностным) [3], [8], [36]. Однако были выявлены и некоторые различия относительно предпочтения норм в социально-политической сфере. Возможно, это связано с характером событий, оцениваемых в разных исследованиях. В этом исследовании речь шла о принятии закона, а в прошлом [3] — о четырех различных событиях (заключении международного договора, наказании преступника, увеличении пенсий и зарплат, вступлении в войну).

В целом эти результаты означают, что при оценке межличностного взаимодействия большое внимание уделяется индивидуальности участников: их заслугам, потребностям, личным характеристикам. При оценке учебного взаимодействия во внимание принимаются прежде всего заслуги участников, а при оценке политического — потребности и возможность оказать влияние на результат (процедурная справедливость). Вероятно, важность процедурной справедливости в политической сфере связана с осознанием невозможности оказать непосредственное влияние на содержание закона и одновременно с желанием привести его в соответствие с потребностями граждан.

Статус участников также определяет выбор норм справедливости. В равностатусных отношениях чаще используются нормы контроля за результатом и распределения по потребностям, а в разностатусных — возможность апелляции, однообразие и распределение по способностям. Возможно, это связано с оценкой вероятности соблюдения данных норм: человек не верит, что партнер с высоким статусом позволит низкостатусному участнику оказать влияние на результат, поэтому ожидает, по крайней мере, соблюдения норм, гарантирующих внимание к его заслугам.

ВЫВОДЫ

1. К универсальным нормам справедливости относятся нормы, соблюдение которых гарантирует честность и нейтральность в отношении к человеку, уважение к нему и его правам. Этот результат подтверждает модель групповых ценностей, сторонники которой полагают, что люди ценят процедурную справедливость за ее способность сохранять группу как целое.

2. Выбор норм справедливости определяет особенности взаимодействия: сферу и статус участников. При оценке межличностного взаимодействия наибольшее значение имеют нормы, гарантирующие индивидуальное отношение к участникам, при оценке учебного — учитывающие их заслуги, а при оценке политического — гарантирующие возможность повлиять на результат.

3. В целом сфера взаимодействия играет большую роль при выборе норм дистрибутивной справедливости, а статус определяет выбор норм процедурной справедливости.

1. *Воловикова М.И., Соснина Л.М.* Этнокультурное исследование представлений о справедливости (на примере молдаван и живущих в Молдове цыган) // *Вопр. психол.* 2001. № 2. С. 85–93.
2. *Голынич Е.О., Гулевич О.А.* Обыденные представления о справедливости // *Вопр. психол.* 2003. № 5. С. 80–92.

3. *Гулевич О.А., Голынич Е.О.* Условия выбора норм дистрибутивной справедливости // *Психол. журн.* 2004. № 3. С. 53–60.
4. *Гулевич О.А., Голынич Е.О.* Обыденные представления о справедливости правовых решений // *Психология. Журн. Высш. школы экон.* 2005. № 2. С. 119–125.
5. *Курильски-Ожвези Ш., Арутюнян М.Ю., Здравомыслова О.М.* Образы права в России и Франции. М.: Аспект-Пресс, 1996.
6. *Adams J.S.* Inequity in social exchange // *Advances in Experimental Social Psychology.* 1965. V. 2. P. 267–299.
7. *Anderson R.A., Otto A.L.* Perceptions of fairness in the justice system: a cross-cultural comparison // *Soc. Behav. and Pers.* 2003. V. 31. P. 557–564.
8. *Barrett-Howard E., Tyler T.R.* Procedural justice as a criterion in allocation decisions // *J. of Pers. and Soc. Psychol.* 1986. V. 50. P. 296–304.
9. *Besley J.C., McComas K.A.* Framing justice: using the concept of procedural justice to advance political communication research // *Communication Theory.* 2005. V. 15. P. 414–436.
10. *Bies R.J.* The predicament of injustice: the management of moral outrage // *Research in organizational behavior.* 1987. V. 9. P. 289–319.
11. *Brockner J.* et al. Culture and procedural justice: the influence of power distance on reaction to voice // *J. Brockner, G. Ackerman, J. Greenberg, M.J. Gelfand, A.M. Francesco, Z.X. Chen, K. Leung, G. Bierbrauer, C. Gomez, B.L. Kirkman, D. Shapiro* // *J. of Experimental Soc. Psychol.* 2001. V. 37. P. 300–315.
12. *Chiu C-Y.* Hierarchical social relations and justice judgement among Hong-Kong Chinese college students // *The J. of Soc. Psychol.* 1991. V. 131. P. 885–887.
13. *Colquitt J.A.* On the dimensionality of organizational justice: a construct validation of a measure // *J. of Applied Psychol.* 2001. V. 86. P. 386–400.
14. *De Cremer D.* The influence of accuracy as a function of leader's bias: the role of trustworthiness in the psychology of procedural justice // *Pers. and Soc. Psychol. Bull.* 2004. V. 30. P. 293–304.
15. *De Cremer D.* Why inconsistent leadership is regarded as procedurally unfair: the importance of social self-esteem concerns // *European J. of Soc. Psychol.* 2003. V. 33. P. 535–550.
16. *Elovainio M., Kivimaki M., Helkama K.* Organizational justice evaluations, job control, and occupational strain // *J. of Applied Psychol.* 2001. V. 86. P. 418–424.
17. *Finkel N.J.* But it's not fair! Commonsense notions of unfairness // *Psychology, Public Policy, and Law.* 2000. V. 6. P. 898–952.

18. Lamm H., Kayser E., Schanz V. An attributional analysis of interpersonal justice: ability and effort as inputs in the allocation of gain and loss // *The J. of Soc. Psychol.* 1983. V. 119. P. 269–281.
19. Lee J.S., Stolte J.F. Cultural and structural determinants of justice reactions in the economic domain // *Soc. Behav. and Pers.* 1994. V. 22. P. 319–328.
20. Leung K., Chiu W.-H., Au Y.-F. Sympathy and support for industrial actions: a justice analysis // *J. of Applied Psychol.* 1993. V. 78. P. 781–787.
21. Leventhal G.S. What should be done with equity theory? New approaches to the study of fairness in social relationship // *Social exchange: advances in theory and research* / Ed. by K. Gergen, M. Greenberg, R. Willis. N.Y.: Springer, 1980.
22. Leventhal G.S., Michaels J.W. Locus of cause and equity motivation as a determinants of reward allocation // *J. of Pers. and Soc. Psychol.* 1971. V. 17. P. 229–235.
23. Lind E., Lissak R. Apparent impropriety and procedural fairness judgments // *J. of Experimental Soc. Psychol.* 1985. V. 21. P. 19–29.
24. Lind E., Taylor T. *The social psychology of procedural justice*. N.Y.: Springer, 1988.
25. Lupfer M.B. et al. Folk conceptions of fairness and unfairness / M.B. Lupfer, K.P. Weeks, K.A. Doan, D.A. Houston // *European J. of Soc. Psychol.* 2000. V. 30. P. 405–428.
26. Matic H., Webb J. Environmental justice and social dilemma solutions: social values and the perceived fairness and endorsement of structures that penalise the poor // *Australian J. of Psychol.* 2003. Suppl. P. 52.
27. Meeker B.F., Elliott G.C. Need, merit and reward expectations // *Current Research in Soc. Psychol.* 1998. V. 3. N 4. P. 48–63.
28. Mikula G. On the experience of injustice // *European Review of Soc. Psych.* 1993. V. 4. P. 223–244.
29. Mikula G. et al. Division of labor in student households: gender inequality, perceived justice, and satisfaction / G. Mikula, H.H. Freudenthaler, S. Brennacher-Kröll, B. Brunschko // *Basic and Applied Soc. Psychol.* 1997. V. 19. P. 275–289.
30. Pepitone A., L'Armand K. The justice and injustice of life events // *European J. of Soc. Psychol.* 1996. V. 26. P. 581–597.
31. Rasinski K.A. What's fair is fair—or is it? Value differences underlying public views about social justice // *J. of Pers. and Soc. Psych.* 1987. V. 53. P. 201–211.
32. Roberson Q., Moye N., Locke E. Identifying a missing link between participation and satisfaction: the mediating role of procedural justice perceptions // *J. of Applied Psychol.* 1999. V. 84. P. 585–593.
33. Tyler T., DeGoeij P., Smith H. Understanding why the justice of group procedures matters: a test of the psychological dynamics of the group-value model // *J. of Pers. and Soc. Psychol.* 1996. V. 70. P. 913–930.
34. Van den Bos K., Vermunt R., Wilke H. Procedural and distributive justice: what is fair depends more on what comes first than on what comes next // *J. of Pers. and Soc. Psychol.* 1997. V. 72. P. 95–104.
35. Wagstaff G.F., Huggins J.P., Perfect T.J. Equity, equality, and need in the adult family // *The J. of Soc. Psychol.* 1993. V. 133. P. 439–443.
36. Wagstaff G.F., Worthington J. Equity, relative need and allocations to zero-input workers // *The J. of Soc. Psychol.* 1997. V. 137. P. 790–791.
37. Williams S., Pitre R., Zainuba M. Justice and organizational citizenship behavior intentions: fair rewards versus fair treatment // *The J. of Soc. Psychol.* 2002. V. 142. P. 33–44.

Поступила в редакцию 18.II 2009 г.

МОДЕЛИ МАТЕРИНСТВА У ЖЕНЩИН С НОРМАЛЬНЫМ И НАРУШЕННЫМ РОДИТЕЛЬСКИМ ПОВЕДЕНИЕМ

С.В. ТРУШКИНА

Анализируются представления современных городских женщин о «нормальном материнстве». Выявлены и описаны модели материнства у женщин, имеющих детей раннего возраста. Определена специфика представлений о нормах материнства у женщин с девиантным родительским поведением. На основе экспериментального исследования показано, что реализация матерью той или иной модели материнства отражается на особенностях психического развития ребенка и на эмоциональном состоянии обоих членов диады.

Ключевые слова: родительское отношение, модель материнства, ранний возраст, диадические отношения, родительские представления, социальные нормы, девиантное материнство.

Актуальность исследований в области родительского отношения обусловлена тем несомненным влиянием, которое оно оказывает на ход развития ребенка, на формирование его личности, на его здоровье и поведение, а также на личностное развитие самого родителя. Феномен родительского отношения активно изучается как отечественными, так и зарубежными авторами. Большинство современных авторов выделяют в родительском отношении эмоциональный, когнитивный и поведенческий аспекты, которые, как правило, изучаются порознь. Знакомство с литературой показывает явное преобладание интереса исследователей к эмоциональным и поведенческим сторонам родительского отношения [2], [6], [8], [9], [15]. Особенности когнитивной сферы, связанные с ролью родителя, в частности матери, на сегодняшний день значительно менее исследованы.

В когнитивную сферу матери входят представления, ожидания, ценности и установки женщины, связанные с рождением и развитием ее ребенка, с собственным материнским поведением, а также те личностные смыслы, которые несет для женщины ее материнство. Зарубежные исследования свидетельствуют о том, что

родительские представления отличаются широким разнообразием, относительной устойчивостью во времени, могут быть противоречивыми и нереалистичными [4], [5], [16]. Отечественные исследования в этой области немногочисленны (Г.Г. Филиппова, А.С. Спиваковская, С.Ю. Мещерякова, О.А. Карабанова и другие). Большая их часть представляет собой теоретические разработки и исследования клинического плана, не всегда в достаточной мере подкрепленные фактическим материалом и экспериментально подтвержденные. Кроме того, многие составляющие материнских представлений у российских женщин остаются неисследованными. В связи с этим дальнейшее изучение когнитивных аспектов материнского отношения к ребенку является важной исследовательской задачей.

Как особую часть когнитивного компонента материнского отношения к ребенку можно рассматривать представления женщины о том, каким должно быть «нормальное», «правильное» материнство. Очевидно, что убежденность матери в существовании тех или иных норм, связанных с рождением и воспитанием детей, принятие или непринятие женщиной этих норм во многом определяет то, как она